

Оценка Европейским судом по правам человека права демонстрации религиозных и философских убеждений в образовательном процессе

**Илья Александрович
Васильев**

доцент кафедры теории
и истории государства и
права СПбГУ, кандидат
юридических наук

**Дарьяна Вячеславовна
Грязнова**

обучающаяся СПбГУ

Ключевые слова:

соотношение права на образование и свободы мысли, совести и религии; практика Европейского суда по правам человека в отношении норм ст. 9 Конвенции, ст. 2 Протокола № 1 к Конвенции; светскость образования; демонстрация религиозных и философских убеждений

В современной российской доктринальной науке и правоприменительной практике в целом образование, и в частности образовательная деятельность в образовательных организациях, учрежденных публичными субъектами, рассматривается как производная от принципа светскости государства. Его развитие началось после появления идеологического обоснования сосуществования конфессий и государства в качестве различных публичных субъектов в XVIII–XIX вв. Светский характер образования в Российской Федерации закреплён в Конституции РФ, в Федеральных законах от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». Для того чтобы выявить наиболее универсальный подход к нормативному правовому регулированию образовательной системы с учетом указанных национальных способностей, следует обратиться к отдельным примерам правоприменительной практики Европейского

В настоящей статье рассматривается ряд правоприменительных решений Европейского суда по правам человека, относящихся к вопросам соотношения смыслов норм ст. 9 Европейской конвенции о защите прав и основных свобод и норм ст. 2 Протокола № 1 к Европейской конвенции о защите прав и основных свобод. Правоприменительная деятельность складывается по поводу таких элементов содержания образовательной деятельности, как субъекты-обучающиеся, субъекты — образовательные организации, объекты — учебные планы и учебные курсы. В результате исследования были выявлены принципы оценивания Европейским судом по правам человека механизмов реализации указанных в Конвенции прав и свобод.

суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) в отношении комплекса проблем. Мы будем отмечать отношение государства к вопросам соотношения религии и образования, а именно решение проблем ношения и демонстрации религиозных символов в образовательных организациях, преподавания религиозных курсов в рамках учебных планов образовательных организаций среднего общего образования.

Право на образование, закрепленное в первом предложении ст. 2 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция), гарантирует каждому, находящемуся под юрисдикцией договаривающихся государств, получение образования. Это право гарантировано в равной степени ученикам государственных и частных школ¹. В то же время в отдельной правовой позиции² мы можем усмотреть толкование механизма защиты конвенционного права на образование и на свободу совести в качестве субсидиарных по отношению к национальной системе охраны прав человека. Охрана упомянутых прав и свобод национальными инстанциями является первостепенной целью правового регулирования, так как подобные органы публичной власти находятся в лучшем положении, чем судьи международной инстанции, чтобы выразить мнение относительно точного содержания требований Конвенции применительно к политическим, социальным и экономическим условиям конкретного государства. С одной стороны, в нормах ст. 9 Конвенция гарантирует свободу вероисповедания и совести, с другой — в положениях ст. 2 Протоко-

---

Охрана прав человека и основных свобод национальными инстанциями является первостепенной целью правового регулирования, так как подобные органы публичной власти имеют возможность применить требования Конвенции в соответствии с политическими, социальными и экономическими условиями конкретного государства

---

¹ См.: Costello-Roberts v. United Kingdom (no. 247-C). 25.03.1993. HUDOC. European Court of Human Rights. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/>.

² См.: Handyside v. United Kingdom). 07.12.1976. HUDOC. European Court of Human Rights. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/>.

ла № 1 закрепляет право на образование. Следовательно, правильной моделью национального правового регулирования является осуществление публичными субъектами функций, принятых в сфере образования и обучения, при уважении прав родителей и их детей на такое образование и обучение, которое соответствует их религиозным и философским убеждениям. В целом комплекс решений ЕСПЧ, принятых вследствие толкования норм ст. 9 Конвенции и ст. 2 Протокола № 1, возможно разделить на три взаимосвязанных и взаимообусловленных группы требований, относящихся к следующим параметрам образовательных систем: субъекты-обучающиеся, субъекты — образовательные организации, объекты — учебные планы и учебные курсы.

В настоящем исследовании мы обратимся выборочно к правоприменительным решениям по поводу требований к обучающимся, образовательным организациям и содержанию учебных планов и курсов. Перед правоприменителем поставлена цель проверить отдельные национальные ограничения норм ст. 9 Конвенции (свобода мысли, совести и религии) и ст. 2 Протокола № 1 (право на образование) на соответствие смыслу этих положений Конвенции.

По общему правилу ЕСПЧ проверяет каждую обжалуемую норму национального законодательства на соответствие совокупности трех критериев: а) законности как следованию идее конвенциональных норм; б) соразмерности ограничений преследуемым целям; в) необходимости использования таких ограничений в европейском демократическом обществе. Эти критерии применительно к спорам о соотношении свободы мысли, совести и религии с правом на образование нуждаются в комментариях. ЕСПЧ использует оценку фактов по всем трем критериям, не оставляя за пределами рассуждений ни одного из них, тем самым позволяет выносить решение о необоснованности ограничений национальным законодательством при несоответствии хотя бы одному из критериев.

Оцениваемая правоприменителем **законность** в контексте сопоставления с идеей конвенциональных норм применительно к нашей тематике раскрывается неоднозначно. Демонстрация определенных религиозных убеждений в образовательном процессе конкурирует с охраняемым нормами Конвенции правом на образование и свободой

Демонстрация определенных религиозных убеждений в образовательном процессе конкурирует с охраняемым нормами Конвенции правом на образование и свободой мысли, совести и религии

мысли, совести и религии. Законность ограничений, вводимых нормами национальных законодательств, должна определяться при помощи определения их вектора. К примеру, законодательное *регулирование использования в образовательных организациях распятий и иных символов христианства* оценивается в соответствии с идейной направленностью нормы Конвенции, а именно вопроса о допустимости публичного исповедания религии через связанную с ней символику в обучении.

Другое умозаключение последует при *оценивании действий обучающегося, например по демонстрации распятия и иных символов христианства*. Такие действия учащегося должны исследоваться на соответствие совокупности конвенциональных норм, гарантирующих право на образование и свободу мысли, совести и религии. С одной стороны, обучающемуся не может быть отказано в доступе к образованию, а значит, и меры дисциплинарных взысканий применяться не могут на основании демонстрации им религиозной символики. Вместе с тем публичная демонстрация религиозных символов может расцениваться в качестве выхода за пределы смысла идеи о реализации каждым права на образование, соответствующее его религиозным и философским убеждениям, а значит, вступает в противоречие с этим правом. Обучающийся прямо и индивидуально не исповедует религию в образовательном процессе, но создает к ней интерес путем придания публичности символике, ассоциируемой в культуре общества с вероисповеданием или прямо относящейся к нему. Расценить эти действия в качестве не относящихся к реализации свободы мысли, совести и религии достаточно затруднительно, поскольку исповедание конфессиональных идей возможно и в невербальной форме.

Второй критерий, установленный ЕСПЧ, направлен на выявление соразмерности ограничений, введенных нормами национального законодательства, преследуемым целям. Правоприменитель использует этот критерий после оценивания законности оспариваемых норм национального законодательства в контексте смысла гарантий Конвенции. Соразмерность ограничения, по нашему мнению, должна трактоваться как отказ в признании субъективного права граждан в силу более значимой свободы, признаваемой в качестве искомой и соответствующей конвенциональной цели. Как пример исполь-

---

Второй критерий, установленный ЕСПЧ, направлен на выявление соразмерности ограничений, введенных нормами национального законодательства, преследуемым целям

ЕСПЧ не считает нарушением идеи Конвенции сочетание национальных ограничений, выражающихся в диспропорции содержания образовательных курсов, имеющих познавательно-религиозную или культурологически-религиозную направленность, в пользу конкретного вероисповедания, с ролью данной религии в традициях и культуре общества

зования этого критерия упомянем оценку ЕСПЧ содержания обязательного для освоения в образовательных организациях среднего образования образовательного курса культурологически-религиозного или познавательно-религиозного содержания³. Правоприменитель, признавая определенным ограничением превалирующее количество часов изучения христианства как религии и философии в содержании заявленной дисциплины, тем не менее указывает на достижение преследуемой цели. В качестве такой цели расценивается признание места христианства в истории и традиции конкретного государства и, как следствие, *подтверждение пределов усмотрения национальных органов публичной власти при планировании и реализации учебного курса*.

Таким образом, вследствие установления критерия соответствия ограничений преследуемым целям ЕСПЧ не считает нарушением идеи Конвенции сочетание национальных ограничений, выражающихся в диспропорции содержания образовательных курсов, имеющих познавательно-религиозную или культурологически-религиозную направленность, в пользу конкретного вероисповедания, с ролью данной религии в традициях и культуре общества. Вместе с тем отметим, что правоприменитель⁴ понимает публичное вмешательство в реализацию права о свободе мысли, совести и религии, гарантированного ст. 9 Конвенции, как обязательно имеющее ограниченную ценность, позволяющее органам государственной власти использовать полученную информацию исключительно в целях контроля⁵ за осуществлением гражданами своих конституционных обязанностей. К примеру, отсутствие логической связи между законодательно закрепленным интересом публичного субъекта к вероисповеданию или философскому убеждению обучающегося и его законных представителей и реализацией этими субъектами своих обязанностей перед государством не позволяет считать такое ограничение соразмерным.

---

³ См.: *Folgerø and others v. Norway* (no. 15472/02). 29.06.2007. HUDOC. European Court of Human Rights. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/>.

⁴ См.: *Wasmuth v. Germany* (no. 12884/03). 17.02.2011. HUDOC. European Court of Human Rights. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/>.

⁵ ЕСПЧ вводит для характеристики такого контроля понятие «ограниченная информационная ценность», См.: *Wasmuth v. Germany*.

Требую от потребителя образовательных услуг указывать принадлежность к религиозному или философскому направлению, органы публичной власти должны доказать необходимость подобного ограничения в качестве единственно доступного средства для выполнения конституционной обязанности (например, обязанности родителей обеспечить своему ребенку получение определенного уровня образования) обучающимися и их родителями в национальной правовой системе. В совокупности с отмеченным нами требованием соразмерности ограничений *могут быть обоснованы законодательные нормы, обязывающие субъекта образовательных отношений отказываться от определенного элемента своей религиозной или философской принадлежности в связи с необходимостью обеспечения безопасности других обучающихся*. Например, требование снять на непродолжительное время предмет одежды, связанный с вероисповеданием или философским направлением, для идентификации личности при посещении образовательных организаций⁶.

Последний критерий осуществления «европейского надзора»⁷ за пределами реализации национальными законодателями смысла конвенциональных норм определяет оценку необходимости использования конкретных законодательных ограничений в европейском демократическом обществе. Исследование целесообразности правовых ограничений является важным фактором оценки действий национальных органов публичной власти, направленных на *поиск баланса между своим правом на регулирование образования и обязанностью уважения права родителей на обеспечение образования и обучения в соответствии с их религиозными и философскими убеждениями*. Последняя обязанность следует из права регулирования государством любой деятельности по повышению образовательного уровня населения с использованием национального законодательства в качестве неотъемлемой для публичного субъекта функции образования и обучения.

Исследование целесообразности правовых ограничений является важным фактором оценки действий национальных органов публичной власти, направленных на поиск баланса между своим правом на регулирование образования и обязанностью уважения права родителей на обеспечение образования и обучения в соответствии с их религиозными и философскими убеждениями

---

⁶ См., напр.: *Fatima El Morsli v. France* (no. 15585/06). 04.03.2008. HUDOC. European Court of Human Rights. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/>.

⁷ См.: *Lautsi v. Italy* (no. 30814/06). 18.03.2011. HUDOC. European Court of Human Rights. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/>.

В таком контексте позиция правоприменителя о «необходимом вмешательстве»⁸ национального законодателя в реализацию смысла ст. 9 Конвенции в законодательстве должна рассматриваться как легальные пределы государственного усмотрения. Содержание законодательного регулирования такого вмешательства в ограничение права на прямую или косвенную демонстрацию своих религиозных убеждений через ношение предметов одежды в образовательном процессе обоснованно, так как определенная одежда обязательна в рамках конкретного вероисповедания и поэтому может восприниматься обучающимися как способ влияния на них идей вероучения.

Перейдем от характеристик трех принципов осуществления ЕСПЧ «европейского надзора» к отдельной практике Суда в отношении оценивания национальных **законодательных требований к участию обучающихся в образовательном процессе**. Можно отметить, что заявители обращаются с иском для того, чтобы признать требования к внешнему виду обучающихся со стороны образовательной организации нарушающими их права на образование и право на свободу мысли, совести и религии.

Особое место в группе подобных жалоб занимают нормативные запреты ношения религиозных символов и знаков во время образовательного процесса. Действительно, *публичного субъекта в образовательном процессе не следует рассматривать как простого пассивного наблюдателя, учредившего образовательную организацию, его исключительная роль заключается в способствовании поддержанию общественного порядка, религиозной гармонии, толерантности*. Следуя таким рассуждениям, образовательные организации могут регламентировать вопросы демонстрации религиозных обрядов и символов с помощью наложения запретов в отношении места и способа такой демонстрации⁹.

Важно отметить, что *запрет обучающимся носить заметные символы религиозных убеждений во время образовательного процесса представляет собой ограничение их свободы исповедовать религию, которое было признано законным и преследовало законную цель защиты прав*

Запрет обучающимся носить заметные символы религиозных убеждений во время образовательного процесса представляет собой ограничение их свободы исповедовать религию, которое было признано законным и преследовало законную цель защиты прав и свобод, а также общественного порядка

---

⁸ См.: Leyla Şahin v. Turkey (no. 44774/98). 10.11.2005. HUDOC. European Court of Human Rights. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/>.

⁹ См. там же.

и свобод, а также общественного порядка¹⁰. Безусловно, в обществе, исповедующем несколько религий, должна возникнуть необходимость в ограничении свободы вероисповеданий в целях примирения интересов различных социальных групп и обеспечения уважения убеждений каждого человека. Позиция субъектов образовательных правоотношений, заключающаяся в отказе следовать ограничениям национального законодательства о ношении заметных символов религиозных убеждений в образовательном процессе, расценивается ЕСПЧ в качестве превышения пределов осуществления права выражать и проявлять религиозные убеждения в образовательной организации¹¹. Как было замечено ранее, в практике признается превалирующая роль национальных органов власти при формулировании ограничений, поэтому правоприменитель, разрешая дело, *определяет факт наличия достаточной правовой основы в национальном законодательстве вмешательства в права и законные интересы граждан*. Например, ЕСПЧ учитывает практику национальной конституционной инстанции, а также традиции и цели государства, которое считает, что ношение традиционной религиозной одежды в образовательной организации было бы несовместимо с фундаментальными принципами существования конкретной страны¹².

Переходя к исследованию **второй группы требований** в практике ЕСПЧ, а именно **предъявляемых к субъектам — образовательным организациям**, мы должны заметить следующее. Правоприменитель определяет образовательную организацию как общественный институт, а следовательно, государство должно обладать властными полномочиями не только в отношении структуры и содержания учебного плана, но также и правил внутреннего трудового распорядка в школах. Именно поэтому государство, обеспечивая образование, обязано воздерживаться даже от косвенного внушения через символы в помещениях образовательных организаций, в которых находятся обучающиеся (зависимые от организации лица). Анало-

---

Именно поэтому государство, обеспечивая образование, обязано воздерживаться даже от косвенного внушения через символы в помещениях образовательных организаций, в которых находятся обучающиеся

---

¹⁰ См., напр.: *Aktas and others v. France* (no. 43563/08). 30.06.2009. HUDOC. European Court of Human Rights. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/>.

¹¹ См.: *Dogru v. France* (no. 27058/05). 04.12.2008. HUDOC. European Court of Human Rights. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/>.

¹² См.: *Leyla Şahin v. Turkey*.

гичный вывод можно сделать в ситуации, когда целевая аудитория образовательного процесса уязвима в силу возраста, так как авторитет государственного образования позволяет навязывать мысли умам, еще не обладающим способностью критически осмысливать и отклонять идеи, навязываемые публичным субъектом в религиозных вопросах¹³.

Таким образом, рассматриваемая группа требований позволяет усмотреть использование в практике ЕСПЧ критерия возраста для оценки ограничений права на образование и права на свободу мысли, совести и религии как соответствующих или не соответствующих нормам Конвенции. Действительно, стоит согласиться с тем, что профессия педагога имеет особый статус, включающий в себя специфические обязанности и ограничения, расширительное толкование перечня которых вполне оправданно и поддерживается в правоприменительной практике ЕСПЧ. Находящиеся во время образовательного процесса под влиянием педагога обучающиеся определенного возраста особенно уязвимы к демонстрации религиозной символики или символов, ассоциирующихся с вероисповеданием. Применительно к конкретным случаям абсолютно корректен вывод о том, что *факт ношения преподавателем предмета гардероба, имеющего определенный культурный и идеологический подтекст, противоречит принципу гендерного равенства в образовательном процессе*¹⁴.

Заявляя критерий возраста, тем не менее не следует распространять его действие до момента совершеннолетия потребителя образовательных услуг, так как правоприменитель¹⁵ прецедентно оценивает исключительно возраст до восьми лет, указывая на более высокий порог критического мышления старших обучающихся, позволяющий сопротивляться демонстрируемой в образовательном процессе религиозной, философской идее. Следовательно, прямая или косвенная демонстрация религиозных символов со стороны преподавателей (учителей) в образовательном процессе с участием несовершеннолетних детей

Прямая или косвенная демонстрация религиозных символов со стороны преподавателей (учителей) в образовательном процессе с участием несовершеннолетних детей оценивается ЕСПЧ как выход за пределы смысла норм ст. 9 Конвенции и ст. 2 Протокола № 1

---

¹³ См.: Lautsi v. Italy.

¹⁴ См.: Dahlab v. Switzerland (no. 42393/98). 15.02.2001. HUDOC. European Court of Human Rights. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/>.

¹⁵ См. там же.

оценивается ЕСПЧ как выход за пределы смысла норм ст. 9 Конвенции и ст. 2 Протокола № 1. Заявленный вывод актуален исключительно для действий субъектов — образовательных организаций в лице своих представителей — преподавателей (учителей), но не для оценки поведения субъектов-обучающихся.

В силу норм Конвенции государство обязано обеспечить образование в такой форме и с таким содержанием, чтобы учитывать (с поправкой на законное и разумное ограничение, допускаемое в демократическом обществе) религиозные и философские убеждения родителей обучающихся. В свою очередь, последние имеют право на проявление своей свободы мысли, совести и религии в контексте образования, определяя его направленность так, чтобы оно не противоречило их религиозным и философским убеждениям. Это право гарантируется государством и *может быть ограничено в национальном законодательстве только по мотивам интересов общественной безопасности, охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц.*

В силу норм Конвенции государство обязано обеспечить образование в такой форме и с таким содержанием, чтобы учитывать религиозные и философские убеждения родителей обучающихся

Использование конвенционного механизма реализации прав лиц на образование с учетом мотивов религиозных и философских убеждений позволяет поставить вопрос о возможности прямой или косвенной демонстрации обучающимся своей принадлежности к религии во время образовательного процесса. Нам не следует однозначно распространять на рассматриваемый казус аналогию отмеченной ранее правовой позиции ЕСПЧ о недопустимости демонстрации преподавателем религиозной или околорелигиозной символики в процессе образовательной деятельности по следующим причинам. Во-первых, правоприменитель, с нашей точки зрения, *считает первостепенным доказательством в пользу установления нарушения гарантий защиты свободы, совести, мысли и религии в образовательном процессе факта правового и социального статуса педагога как лица, обладающего авторитетом и властью в коллективе.* Во-вторых, влияние преподавателя обусловлено не только его позицией в среде обучающихся, но также обосновывается их *малолетним возрастом.*

Критерий возраста, определяющего крайнюю уязвимость учащихся к любой пропаганде, подлежит оценке на предмет применения по отношению к фактам демонстрации

В решении ЕСПЧ ношение преподавателем одежды, исторически и культурно связанной с определенной религией, признавалось нарушением норм Конвенции не только из-за статуса педагога и внушаемости обучающихся, но также и из-за контекста связи предмета одежды в массовом сознании с неравенством полов

самими обучающимися религиозной или ассоциирующейся с религиозной символики. В приводимом нами правоприменительном решении ЕСПЧ¹⁶ ношение преподавателем одежды, исторически и культурно связанной с определенной религией, признавалось нарушением норм Конвенции не только из-за статуса педагога и внушаемости обучающихся, но также и из-за контекста связи предмета одежды в массовом сознании с неравенством полов. Последнее умозаключение возможно применить для разрешения поставленного нами вопроса о допустимости демонстрации обучающимся религиозной или близкой к вероисповеданию символики. Гендерное неравенство, противоречащее идее конвенциональных норм, является основным доводом против ношения и использования обучающимися в образовательном процессе предметов одежды, ассоциирующихся с противопоставлением социальных ролей и статусов полов. Тем не менее в отсутствие национальных законодательных ограничений, как мы считаем, учащийся может демонстрировать такие символы, относящиеся или близкие определенному вероисповеданию, которые не вторгаются в сферу принципа гендерного равенства, но ассоциируются в общественном сознании и культуре с конкретной религией.

Следует оценивать *ad hoc* наличие критерия дискриминации по половому принципу вследствие позиционирования определенного предмета гардероба обучающимся в образовательном процессе. В процессе настоящих рассуждений мы также должны обращаться и к обоснованию недопустимости такого деяния с позиции малолетнего возраста контингента обучающихся вне зависимости от возраста самого субъекта, демонстрирующего символику религиозной или околорелигиозной направленности не в предметах своей одежды.

При рассмотрении спора этой категории нам будут недоступны критерии авторитета и власти субъекта, являющегося потенциальным нарушителем, так как все обучающиеся де-юре равны в рамках образовательного процесса. Тем не менее мы сможем сослаться на критерий публичной демонстрации как внушения, построенного на узнаваемости символики в культурной среде, только в отдельных случаях. Подводя итог, заметим, что мы имеем право оценивать любые действия или бездействие обучающихся

---

¹⁶ См.: Dahlab v. Switzerland.

на предмет соответствия пределам реализации права на свободу совести, мысли и религии в образовательном процессе только с позиции критерия возраста. Вместе с тем настоящее умозаключение будет актуально именно для образовательного процесса и момента нахождения в нем обучающихся, тогда как за пределами учебной деятельности ученики имеют право на самовыражение в одежде с позиции принадлежности к религии и философским суждениям.

Концентрируя внимание вокруг критерия возраста, ЕСПЧ использует понятие «негативная свобода», которое понимается правоприменителем как свобода избегать любых обрядов, выражающих принципы религии или атеизма как в целом, так и в частности. Следуя подобной логике, некорректно определять негативную свободу как исключительно отграничение от религиозных служб или религиозного образования. Она заслуживает особой судебной защиты, если убеждения религиозного характера в образовательном процессе высказывают представители — преподаватели (учителя) образовательной организации, а обучающийся не может избежать столкновения с ними. Даже если обучающийся может за счет непропорциональных усилий преодолеть убеждения религиозного характера, высказываемые образовательной организацией в любой форме, этот потенциальный факт должен включаться в содержание негативной свободы и являться основанием для защиты.

Как следует из практики ЕСПЧ, для содействия развитию критического мышления публичный субъект в лице образовательной организации обязан соблюдать конфессиональный нейтралитет, если посещение ее помещений обязательно для обучающегося независимо от его принадлежности к определенной религии¹⁷. Таким образом, размещение религиозных символов в образовательной организации не соответствует образовательному плюрализму, имеющему существенное значение для сохранения демократического общества в понимании норм Конвенции. Совершение подобного действия со стороны образовательной организации уже ограничивает право родителей воспитывать детей в соответствии со своими убеждениями, равно как право самих детей на принадлежность к религии или философским убеждениям. Возникающие

Размещение религиозных символов в образовательной организации не соответствует образовательному плюрализму, имеющему существенное значение для сохранения демократического общества в понимании норм Конвенции

---

¹⁷ См.: Lautsi v. Italy.

вследствие таких действий коллизии между конвенциональными нормами расцениваются ЕСПЧ как ограничения, несовместимые с обязанностью государства соблюдать нейтралитет при осуществлении публичных функций, и в первую очередь — в сфере образования. Правоприменитель, следуя нормам ст. 9 Конвенции и ст. 2 Протокола № 1, рассматривает обязанность государств уважать религиозные и философские убеждения родителей не только в контексте содержания обучения и способа его осуществления, но также и в контексте осуществления всех публичных функций в сфере образования и обучения¹⁸.

Отражение в решениях ЕСПЧ **объектов — отдельных учебных планов и учебных курсов** связано с ответами на вопросы о наличии религиозного содержания в отдельных курсах, предметах, посвященных изучению некоторых религиозных учений в разных контекстах. Если подобное изучение допустимо, то в какой форме и в каком объеме? Возможно ли сочетание религиозного и светского содержаний?

В каждом конкретном случае правоприменитель формулировал свое решение с позиции оценивания содержательной стороны учебного курса и (или) учебного плана, а именно следующих аспектов. Во-первых, правоприменителя интересует направленность на пропаганду противодействия мировым вероисповеданиям, в частности христианству. Во-вторых, необходимо определять наличие однозначных авторских приоритетов — ангажированности, объемов материала при представлении в содержании учебной дисциплины конкретной религии.

Отрицательное заключение ЕСПЧ по обоим отмеченным вопросам позволяет утверждать отсутствие нарушений норм Конвенции. По мнению правоприменителя, наличие в учебном плане дисциплины, целью которой является совместное изучение нескольких вероисповеданий и философии, полностью соответствует принципу плюрализма и объективности, отмеченному в нормах ст. 2 Протокола № 1. Обязательность в учебном плане такой дисциплины для обучающихся не является по умолчанию нарушением норм Конвенции, подобный вывод может быть сделан только по итогам анализа содержания предмета

Наличие в учебном плане дисциплины, целью которой является совместное изучение нескольких вероисповеданий и философии, полностью соответствует принципу плюрализма и объективности, отмеченному в нормах ст. 2 Протокола № 1

---

¹⁸ См.: Valsamis v. Greece (no. 21787/93). 18.12.1996. HUDOC. European Court of Human Rights. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/>.

и процесса обучения¹⁹. К примеру, введение в образовательных организациях обязательных занятий по этике не может противоречить принципам объективности и плюрализма в связи с тем, что такие уроки нейтральны и не позиционируют приоритет одного вероисповедания перед другими²⁰.

ЕСПЧ считает необходимым гарантировать права родителей и уважать их религиозные и философские убеждения, а значит, *нельзя признать допустимыми организацию образовательного процесса или формулирование оснований отстранения обучающегося от участия в нем, подвергающие родителей чрезмерному обременению с риском ненадлежащего вмешательства в их частную жизнь*. Необходимо обеспечивать баланс между интересами большинства и меньшинства, следовательно, превалирование одной из религий в содержании учебного курса недопустимо, так как противоречит позиции ЕСПЧ относительно преподавания знаний и информации, включенных в учебный план, исключительно критически, объективно и плюралистически. Формулируя свою позицию, правоприменитель отказывается оценивать содержание учебных планов и отдельных курсов по формальным и фактическим обстоятельствам²¹. *С формальной точки зрения построение учебного плана и введение образовательных курсов должны расцениваться как сфера исключительной компетенции участников Конвенции, а фактически предпринимаемые в данной области решения могут объективно различаться в разных государствах в определенные периоды*²². Государства, являющиеся участниками Конвенции, таким образом, *a priori* признаются имеющими право усмотрения при определении механизма реализации норм о праве на образование ст. 2 Протокола № 1 с учетом потребностей и ресурсов общества и индивидов, а именно формирования

Введение в образовательных организациях обязательных занятий по этике не может противоречить принципам объективности и плюрализма в связи с тем, что такие уроки нейтральны и не позиционируют приоритет одного вероисповедания перед другими

---

¹⁹ См.: Folgerø and others v. Norway.

²⁰ См.: Appel-Irrgang and others v. Germany (no. 45216/07). 06.10.2009. HUDOC. European Court of Human Rights. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/>.

²¹ См.: Kjeldsen, Busk Madsen and Pedersen v. Denmark (no. 23-A). 07.12.1976. HUDOC. European Court of Human Rights. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/>.

²² См.: Hasan and Eylem Zengin v. Turkey (no. 1448/04). 09.10.2007. HUDOC. European Court of Human Rights. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/>.

Правоприменитель постулирует право публичного субъекта на организацию образовательной системы, планирование и реализацию учебных курсов, определение принципов работы образовательных организаций и правил обучения, включая внешний вид обучающихся и дисциплинарные взыскания

учебных планов и образовательных программ (учебных курсов). Как указывает ЕСПЧ, такое правомочие государств должно рассматриваться в качестве *препятствующего родителям требовать от публичной власти конкретной формы обучения или особенностей реализации существующих форм*²³.

Резюмируя рассмотренные позиции ЕСПЧ в отношении заявленных субъектов и объектов образовательных правоотношений, сделаем следующие выводы. **Во-первых**, правоприменитель постулирует *право публичного субъекта на организацию образовательной системы, планирование и реализацию учебных курсов, определение принципов работы образовательных организаций и правил обучения, включая внешний вид обучающихся и дисциплинарные взыскания*. Право на образование в смысле, придаваемом ему решениями ЕСПЧ, включает и применение мер дисциплинарного характера в целях соблюдения локального правового регулирования на уровне образовательной организации (к примеру, исключение из числа обучающихся). Подобная негативная санкция, равно как и иные виды дисциплинарной ответственности в отношении обучающихся, применяются на законных основаниях в связи с недопустимостью прямой или косвенной пропаганды религиозных или философских убеждений в образовательном процессе, если такое ограничение существует в национальном законодательстве по мотивам обеспечения принципа светскости в смысле норм Конвенции или охраны общественных интересов (в связи с мерами безопасности).

Правоприменитель также отмечает, что *право санкций в отношении подвластных образовательной организации обучающихся способствует становлению сознательной личности как члена демократического европейского общества*²⁴. Следовательно, появление обучающегося в одежде, имеющей религиозное значение, религиозный смысл (как вариант, прикрывающей лицо девушки), когда ее ношение противоречит локальному правовому регулированию образовательной организации как нормам национального законодательства, признается ЕСПЧ *обосно-*

---

²³ См.: *Bulski v. Poland* (no. 46254/99, 31888/02). 30.11.2014. HUDOC. European Court of Human Rights. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/>.

²⁴ См.: *Folgerø and others v. Norway*.

ванным и не дискриминирующим в конвенционном смысле основания наложения индивидуальной санкции.

Вместе с тем, развивая смысл правовых позиций правоприменителя, отметим, что зафиксированному в нормах Конвенции *принципу светскости не противоречит ношение обучающимися особых знаков и символов, подтверждающих их принадлежность к определенной религии, но эта свобода не может давать легальные основания для демонстрации и пропаганды своей принадлежности к конкретному вероучению*. Таким образом, демонстрация религиозной символики в одежде в конкретном случае может быть расценена как давление, посягательство на достоинство личности и на принцип светскости реализации права на образование со стороны обучающихся и преподавателей. В этом смысле ношение предметов гардероба с узнаваемым религиозным содержанием приравнивается фиктивно к опасности жизни и здоровью субъектов образовательных правоотношений, нарушению познавательной идеи образовательного процесса и непреодолимым препятствиям к осуществлению светской образовательной деятельности.

В то же время правоприменитель считает *необходимым на разных уровнях образования изучать культуру и опыт европейских народов, что невозможно без обращения к исследованию религий при неукоснительном соблюдении требования плюралистического, критического и объективного предоставления информации*. Отмечаемые нами на протяжении настоящего исследования правовые позиции ЕСПЧ в отношении отдельных споров о конкуренции гарантий права на образование и права на свободу совести (принципа светскости) позволяют сделать вывод о необходимости толкования в рассматриваемой группе споров норм ст. 2 Протокола № 1 с учетом норм ст. 9 Конвенции²⁵.

Конструирование в отечественной правовой системе понятия светскости не может расцениваться как признание индифферентности образования и образовательной деятельности к деятельности религиозных организаций и поддерживаемых ими культов. Важно отметить, что публичная образовательная политика не безразлична к существованию религиозных организаций, зарегистрированных в установленном порядке и функционирующих

Зафиксированному в нормах Конвенции принципу светскости не противоречит ношение обучающимися особых знаков и символов, подтверждающих их принадлежность к определенной религии, но эта свобода не может давать легальные основания для демонстрации и пропаганды своей принадлежности к конкретному вероучению

---

²⁵ См.: Appel-Irrgang and others v. Germany.

Конструирование в отечественной правовой системе понятия светскости не может расцениваться как признание индифферентности образования и образовательной деятельности к деятельности религиозных организаций и поддерживаемых ими культов

в рамках правового поля, а государство и муниципальные образования равноценно способствуют развитию интересов представляемых указанными организациями вероисповеданий. Статус мультиконфессиональности российского государства обуславливает особенности образовательной деятельности, влияя на формирование учебных планов и появление в их структуре особых учебных курсов в качестве обязательных²⁶. Отмеченная направленность публичной политики преследует не цель схоластической догматизации образования, которая вступила бы в противоречие с принципами конституционного строя, но расширение знаний обучающихся о легальных конфессиях и возможность построения собственного отношения к религии.

В настоящий момент доминирующими основаниями отечественной правовой системы для осуществления правоприменительной деятельности следует признавать объекты образовательной деятельности. Смещение акцентов критического осмысления реализации права на образование на отдельные учебные планы и учебные курсы предопределено особенностями национального правового регулирования. Системообразующий в сфере национального образования Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» формулирует определение образования как процесса, завершающегося выдачей подтверждающего документа, тем самым давая правоохранительным, надзорным и судебным инстанциям направление для оценки любой деятельности организации или физического лица, включающей преподавание знаний о религии, на предмет ее соответствия признакам образовательной деятельности. Для этого необходимо детально проанализировать конкретные действия по изучению догматики вероучения в образовательном процессе, обратиться к исследованию учебной и учебно-методической документации.

Споры об оценивании допустимости использования символов, ассоциируемых в российской культуре с определенными вероисповеданиями, инициируются на основании признаков, содержащихся в учебных планах или отдельных учебных курсах. Массив российской правопримени-

---

²⁶ См.: Васильев И.А, Трофимов А.А. Осмысление правовой природы образовательных отношений // Петербургский юрист. 2014. № 3. С. 89.

тельной практики по вопросу пределов появления религиозных норм в образовательном процессе в последние годы складывается в основном за счет анализа упомянутых нами объектов образовательной деятельности, только одного из направлений оспаривания конвенциональных норм о светскости и свободе образования в практике ЕСПЧ. Вопросы о поведении субъектов-обучающихся или представителей субъектов — образовательных организаций в образовательном процессе являются субсидиарными. Подобный факт позволяет увидеть разницу в подходе к пониманию реализации упомянутых свобод и их баланса в отечественной судебной практике и позициях ЕСПЧ. Вместе с тем мы говорим исключительно о многообразии подходов, но не об иносказательных или противостоящих толкованиях смыслов права на образование и свободы мысли, совести и религии. Особенности понимания пределов реализации обучающимися и образовательными организациями рассматриваемых свобод в российской правоприменительной практике будут исследованы нами в дальнейших публикациях.

Статус мультиконфессиональности российского государства обуславливает особенности образовательной деятельности, влияя на формирование учебных планов и появление в их структуре особых учебных курсов в качестве обязательных
